

Горе московскихъ жителей въ 1812 г.

(современныя письма).

Около двухъ лѣтъ назадъ я приобрѣлъ остатки семейнаго архива старыхъ дворянскихъ родовъ Ушаковыхъ и Щербининыхъ. При разборѣ въ числѣ прочихъ оказались и нижепомѣщенные письма Т. А. Яковлевой и ея родственниковъ, любопытныя какъ свидѣтельство современниковъ о пережитомъ въ священной памяти 1812 году. О самой Яковлевой, видимо родственницѣ Щербининой, можно сдѣлать лишь одно заключеніе, что она была вдовой какого-то генераль-маіора Яковлева. Остальныхъ лицъ установить не удастся. Письма четкихъ почерковъ на двухъ листахъ почтовой золотообрѣзной бумаги слегка синеватой съ буквами V. B. E. R. K. L. P. и печатаются съ ихъ оригинальной ореографіей.

Проф. *И. Шляпкинъ.*

I.

Дражайшая моя Ольга Петровна!

Зблагословенными детками, будьте Богомъ хранимы; болѣзную душою, что объ васъ такъ долгое время не имею сведенія, а я насила собралась съ силами о себѣ васъ увѣдомить, что несчастіе, случившееся таперь остановило насъ въ городѣ Михайловѣ.

Не безызвѣстно уже вамъ, что 2-го сентября Москва занята неприятелями; правительствомъ были уверяемы, что опасности нѣтъ,

да и какъ возможно было ожидать такого бедствія, какое мы потерпели; явнымъ промысломъ Божиимъ только спасена жизнь наша: родственникъ Ивана Степановича, служащій въ Черниговскомъ драгунскомъ полку—Иванъ Павловичъ Родаковъ съ арміею шоль постепенно изъ Москвы, заѣхавъ съ двумя чиновниками, добрыми старыми друзьями, не ожидая, чтобъ застать насъ дома и, увидя насъ, что мы и недумали выезжать удивился и объявля, что непріятель уже близко заставы, посоветовалъ немедля выезжать, устроилъ нашъ путь, далъ сколько могъ лошадей, денщика и въ полчаса были готовы.

Сели только въ томъ, въ чомъ были; въ совершенномъ отчаяніи раставались съ своимъ жилищемъ и со всемъ своимъ имуществомъ, которое осталось на расхищеніе врагамъ; и не помня ничего, только слышали, что воинская полиція, подъехавъ къ воротамъ, кричала: спешите, что уже вступили въ городъ. Такъ избавитель нашъ и спаситель жизни несчастной, давъ намъ провожатыхъ казаковъ и денщика, и велелъ ехать въ следъ за арміею на Рязанской трактъ. И когда мы пробирались мимо Кремлевской стены, то непріятель уже въ Кремле стрелялъ изъ ружей и палилъ изъ пушекъ. Можите судить, каково было наше положеніе, спешить было невозможно (потому), что лошади домашніе не поспевали за теми, какіе были впереди насъ. Иванъ Степановичъ все бежалъ пешкомъ едва живъ и ехали между войскъ и ихъ обозомъ; избавитель нашъ передавалъ насъ своимъ пріятелямъ, которые, какъ хранители, видя такое наше несчастное положеніе, заботились. И ночь застигла насъ въ поле, окружаемы были войсками, гдѣ была тогда и главная арміи квартира. Ночь прошла въ страхе безъ сна, тутъ разложили огня, ибо зделалось холодно. На разсветѣ избавитель нашъ, прибавя еще лошадей и далъ надежнаго провожатаго, посоветовалъ держаться ихъ вагенбурга, что мы и продолжали несколько дней, но новое встрѣтилось бедствіе, отъ нестерпимаго огорченія братъ Иванъ Аѳонасьевичъ зделался боленъ, въ дорогѣ не было способу помочь, спешили куда-нибудь и достигли города Козлова, гдѣ, хотя приняты были все способы, но, наконецъ, 25 сентября, приготоясь по долгу христіанскому, не мог(ши) перенести случившагося несчастія, скончался, оставя насъ терпеть бѣльшія огорченія, которые после случились.

Соседъ нашъ оставшійся после насъ въ Москвѣ, захваченъ былъ, по отъезде насъ чрезъ несколько минутъ непріятелями, рассказывалъ, что все наше имущество разграбили, и 4-го числа и жилище сожжено до основанія. Буди воля твоя, Господи, по твоимъ судьбамъ все такъ определенно: итакъ оплакиваемъ почтеннаго

нашего, и погребенъ съ честію на лутчемъ месте. Богъ не оставляетъ въ несчастіи насъ отчаенныхъ: въ Козловѣ нашелся старинной доброй пріятель и сослуживецъ Ивану Степановичу, который узналъ о нашемъ несчастіи и, видя насъ, что въ такой нѣждѣ, снабдилъ деньгами и провизіею и старался, сколько могъ, о нашемъ спокойствіи, а если бы сего не встрѣтилось благодеянія, то не знаю, чтобъ мы были. И тутъ же въ Козловѣ пріехалъ другъ истинной Ивана Степановича, отставной полковникъ Левъ Яковлевичъ Ленковской.

Найдя насъ, тронулся положеніемъ и перевезъ всехъ насъ въ свою деревню, а потомъ въ городъ сей Михайловъ, снабдилъ насъ всемъ нужнымъ и теперь начинаемъ отдыхать и по милости ево призрены. Вотъ слабое описаніе, дражайшая Ольга Петровна, уверены, что вы объ насъ поскорбите. И прошу васъ уведомить о своемъ здоровьи и милыхъ деточекъ. Почтенной вашей матушкѣ свидѣтельствую мое почтеніе и, желая вамъ благъ отъ Бога, остаюсь доброжелательная вамъ

Татьяна Яковлева.

Прош(л)ую милую новорожденную и будущую именинницу поздравляю. Дай Богъ быть здоровымъ, да прошу уведомить доставленъ ли Данилка Василю Ивановичу. Наши люди всѣ остались въ Москвѣ и слуху нѣтъ. Одинъ на дороги еще Москвою отбить в гдѣ находитца не знаю, а таперъ чужіе люди у насъ живутъ“.

12 ноября 1812 года,
Городъ Михайловъ

(Все письмо писано чужой рукой, подпись и приписка сдѣланы собственноручно угловатымъ почеркомъ Т. А. Яковлевой, типичнымъ для конца XVIII вѣка).

II.

Любезнейшая сестрица Ольга Петровна!

Несчастный случай лишилъ насъ имѣть удовольствіе отъ васъ писанія, о себѣ скажу милая сестрица, что живемъ въ городѣ Михайлови, лишившись всего, что имѣла, и (погибли бы?) ежели-бъ не добрые друзья Ивана Степановича помогавшіе всемъ, что жизни надобна; прошу васъ, любезная сестрица здела(й)те удовольствіе уведомить насъ о вашемъ здоровьи и о любезныхъ детушкахъ. Богу видно такъ угодно была лишить насъ всего. Такъ выѣхали, что не имели ни подушки, что успѣли въ узлы завязать, то ище

подъ Москвой растеряли; на бегу нашемъ ратники пообирали, да нельзя была отстанавливаца. Нельзя всего того нещастья описать, что мы собой испытали.

Простите милая будьте здоровы съ любезными детачками.... а я остаюсь сестра (Ваша?). Новорожденную помнила имениницу поздравляю.

(Это письмо на пятой страницѣ писано угловатымъ почеркомъ особымъ, хотя и сходнымъ съ почеркомъ Т. А. Яковлевой).

III.

И я вамъ, любезнѣйшая моя сестрица Ольга Петровна, искреннее почтеніе свидѣтельствую и скорблю душевно что давно неизвѣстны о здоровьѣ вашемъ и милыхъ дѣтачекъ, неожиданный несчастный для насъ случай лишилъ насъ и сего утѣшенія получить ваши строки. Не буду повторять о нашемъ бѣдственномъ странствованіи и потерпѣніи различныхъ горестей, наконецъ теперь, по милости благодѣтельныхъ друзей, можемъ чувствовать, что мы еще существуемъ, но изнуренные огорченіями. Посудите, любезнѣйшая сестрица, наше несчастное положеніе: всево лишились, но въ несчастіи нашлись друзья истинные, которыя стараются облѣхчить наши горѣсти; толко подкрѣпляетъ упованіе на Бога по ево волѣ святой опредѣлена к старости и слабости здоровья такая несносная участь; в добавокъ печалей нашихъ лишились почтеннаго нашего благодѣтеля, котораго оплакиваемъ (онъ) не могъ перенести несчастія, но теперь спокоенъ.... немногое еще бѣдствіе. Я прошу васъ, любезнѣйшая сестрица, успокоить извѣщеніемъ о своемъ здоровье... и... какъ вы находитесь. Милою новорожденную поминаю, а будущую имениницу усердно поздравляю, к оному дню настоящее письмо наше послѣть должно: въ Михайловѣ одинъ разъ в недѣлю почта отправляетца. Простите, Богъ да хранить вас, а я остаюсь преданной вамъ невѣсткой.

С. К. О.

Почтеннѣйшій Александръ Яковлевнѣ свидѣтельствую мое искреннее почтеніе и желаю добраго здоровья.

(Написано на седьмой страницѣ почеркомъ XVIII вѣка).

IV.

Ни вы, Милостивая Государыня сестрица Ольга Петровна, не ожидали никогда получить отъ насъ отсюда письма, ни мы не думали сдѣсь быть когда-либо, но Провиденіе, свыше располагающее

людьми и ихъ жизнью, определило намъ быть здесь по несчастію, случившемуся съ Москвою 2-го сентября, лишившему и насъ въ нѣсколько минутъ того, что долговременными трудами и бережливостью было наживаемо. Благодареніе Богу и зато, что хоть Онъ насъ спасъ отъ плена непріятельскаго и отъ ихъ варварскихъ неистовствъ. Несчастіе наше такъ велико, что мы, несмотря на оказываемое друзьями моими пособіе, едва только начинаемъ приходить въ себя, а что будетъ впередъ—Богу известно. Есть ли бы и теперь не благодворенія друзей, то бѣ пришлось отъ горя преждевременно умереть. Не знаемъ и не ведаемъ, за что на насъ Богъ въ короткое время столько послалъ несчастій. Да будетъ святая Его воля. Станемъ повиноваться и выносить, покуда достанетъ силъ. Прощайте, не лишайте насъ своего писанія и будьте уверены, что былъ есмь и буду вамъ вернымъ и изряднѣйшимъ слугою.

I. P.

Прошу покорнейше засвидѣтельствовать искреннее мое почтеніе Милостивой Государыне Александре Яковлевнѣ и принять поздравленіе съ прошедшею новорожденною и будущей имянинницей. Дай Богъ, чтобы они и вы съ нею и прочими были навсегда благополучны и здоровы.

(Четвертое письмо написано на восьмой страницѣ хорошимъ почеркомъ начала XIX вѣка).

И. Шляпкинъ.

